

0 724908-1

На правах рукописи

РОЩЕКТАЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Рос

**Монастыри Казанской епархии
в XIX – начале XX в.:
хозяйственная деятельность**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2001

Работа выполнена на кафедре отечественной истории до XX в.
Казанского государственного университета

Научный руководитель:

заслуженный деятель науки РТ,
доктор исторических наук, профессор Ю.И. Смыков

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Э.Л.Дубман
кандидат исторических наук Е.В.Липаков

Ведущая организация:

Чувашский государственный университет

Защита состоится «20» декабря 2001 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д. 212. 081. 01 в Казанском государствен-
ном университете по адресу:
420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан «17» ноября 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000705827

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Р.Г. Кашафутдинов'.

Р.Г.Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Церковная история, вообще, и монастырская, в частности, всегда являются важной составной частью истории любого государства и общества, имеющих религиозные традиции. Россия является именно таким государством, с глубокими традициями в этой области. Исследование интереснейших процессов в истории русской православной церкви имеет серьёзное значение для изучения культурной, социально-экономической и политической жизни страны в целом. Снятие идеологических запретов в новейшее время в России открывает широкий простор для научных исследований в данном направлении.

Монастырь – особое, автономное явление в жизни как средневекового, так и нового общества. Идея “ухода от мира” – глубочайший феномен самых, казалось бы, разных эпох и стран. Но эта идея имеет несколько аспектов. Все они так многообразны, что их невозможно было бы свести не только к рамкам одного исследования (или даже целой группы исследований), но и к одной дисциплине. Ведь они относятся к проблемам разных наук, причем и светских, и богословских.

В данном же исследовании выбран лишь один аспект – социально-экономический, причём с исторической точки зрения. Аспект включает в себя хозяйственную деятельность большой группы монастырей – в данном случае, монастырей Казанской епархии (выбор будет пояснен ниже) – со всеми особенностями хозяйства и социальной основы этого хозяйства. Разумеется, изучение одного аспекта возможно, по-настоящему, лишь с учётом всех остальных. И все же это совершенно особый вид исследования – по истории церковно-монастырской экономики: то есть и землевладению, и финансам, и строительству, и всем другим видам активной хозяйственной деятельности. Монастыри в этом ракурсе предстают перед нами как своеобразные (даже очень своеобразные) экономические единицы – зависимые, при всей своей изолированности, от общих экономических и политических процессов в стране. То есть, всего того, что мы условно называем “обликом” той или иной эпохи.

Здесь мы переходим к проблемам вообще истории XIX – начала XX в., поскольку именно этот интереснейший и относительно близкий к нашему времени период выбран мной в качестве хронологических рамок исследования. Дело в том, что Новое время для российских монастырей наступило лишь в XVIII веке – по большому счету только после петровской, а особенно, после екатерининской секуляризационных реформ. Становление новой монастырской собственности стало возможно только в условиях, когда старые собственнические отношения в этой области были искусственно, но радикально, сломаны государством. Произошло это, как известно, в 1764 году, с конфискацией в пользу государства всех церковных земель. Стало быть, старая экономическая система была разрушена. Но

сами монастыри – как внеэкономическая система, конечно, не могли сохраниться в православной стране. Стало быть, в процессе их дальнейшей жизнедеятельности должна была, вне всяких сомнений, сложиться новая хозяйственная структура. Но ведь известно, что за всякой большой радикальной реформой следует довольно длительный переход: новая система всегда складывается не сразу, не мгновенно. Последняя треть XVIII века и стала таким переходным периодом, – когда старая система упразднилась, а новая ещё не сложилась. XIX же век представляет собой уже чёткую, сложившуюся новую систему. Ту самую систему монастырского хозяйства, которая и выступает в качестве предмета данного исследования.

Хронологические рамки исследования. Причина выбора именно XIX – начала XX в. ясна. Этот век был периодом складывания и развития не только новой монастырской экономики, но и новой социально-экономической ситуации в России, в целом. Великие реформы 60–70-х годов XIX в. в масштабах всей России, в какой-то степени предваряются в монастырской системе упразднением почти ровно за век до этого крепостничества. Ведь после 1764 года монастыри не имеют больше крестьянских “душ” – а было их прежде в их владении почти миллион. Стало быть, церковная и собственно государственная экономические системы развивались параллельно, хотя и разными темпами и с разными особенностями. И изучение социально-экономических процессов XIX в. в монастырской системе динамически дополняет и развивает проблемы истории России в целом в этот период. Особенно проблемы земельных отношений, предпринимательства и финансовой деятельности на местах – поскольку монастыри (зависимые отныне почти целиком не от государственных, а от частных пожертвований или сделок по купле-продаже) естественно включены в этот общеэкономический процесс. Процесс продолжался со всеми теми же тенденциями, естественно, и в начале XX в., вплоть до октябрьской революции 1917 г. – поэтому и начало XX в. логически нераздельно входит в хронологические рамки изучения процесса. По сути, начало XX в. по всем признакам – это продолжение всё того же XIX в.

Научная значимость темы. Проблема монастырской истории прежде исследовалась лишь в общем и целом – то есть, главным образом, в масштабе всей России: на примере центральных монастырей и центральных государственных и церковных учреждений, практически без учёта региональных особенностей. Так что в изучении проблемы на уровне её проявлений в каком-либо отдельном большом крае, в провинции зияет широкое “белое пятно”. Именно попытка его заполнить и предпринята в данном исследовании. Автора исследования заинтересовали, главным образом, региональные проявления процесса: его отражение в отдельно взятой губернии и епархии. В нашем случае – это Казанская епархия. То есть край, наиболее близкий нам географически. Притом что центром изучения самых разных аспектов его истории является именно та естественно сложившаяся

традиции стал именно Казанский университет. Таким образом, диалектическая проблема "общего в частном" исследуется мной на примере данного региона. Церковно-монастырская экономическая история – как часть общероссийской. На примере отдельно взятой Казанской епархии, но в сравнительном анализе с этими же процессами в целом по стране.

Наиболее важные актуальные вопросы при такой методике исследования "общего в частном": как сочетались тенденции общероссийские и местные? Каково было значение монастырей Казанской епархии на общероссийском фоне? Как новые условия отразились именно на ней – одной из самых значительных в России? Можно ли по ней проследить важнейшие закономерности в судьбе монастырей в данную эпоху: почему одни из них процветали в новых условиях, другие приходили в упадок, – с чем конкретно это связано? Можно ли на её примере выделить по этому экономическому признаку группы монастырей? Всё это центральные вопросы темы, определяющие её научную значимость.

Географические рамки исследования – Казанская епархия в границах XIX – начала XX в. Здесь необходимо пояснить, что границы эти, до I-ой трети XIX в. включительно, очень серьёзно менялись, и последнее крупное изменение произошло в 1832 году. Тогда, за счёт отделения территории Сибирской губернии, границы Казанской епархии стали совпадать с границами Казанской губернии и в таком виде рубежи епархии сохранялись до революции 1917 года. За географические рамки исследования мной взяты именно эти окончательно сложившиеся границы. Тем более что основная масса монастырей епархии (15 из 18 – на начало XIX в.) и до 1832 года находилась только в этих границах. Епархия-губерния включала в себя в XIX – начале XX в. всю западную половину современной республики Татарстан (до реки Вятка на востоке), а также территории современных Чувашской и Марийской республик. Монастыри на этой территории располагались неравномерно – концентрируясь в основном ближе к "ядру" – к Казани и Свиязску; впрочем, и такие наиболее древние и исторически важные уездные города, как Чебоксары, Козьмодемьянск и Царевококшайск также славились своими обителями. К началу же XX в. в каждом из 12 уездов губернии находилось по одному монастырю. К данному исследованию прилагается карта Казанской епархии в границах после 1832 года, с отмеченными на ней и древними, и новообразованными (в конце XIX – начале XX в.) обителями.

Предмет исследования – монастыри Казанской епархии как хозяйственные субъекты. Количество монастырей, относящихся к предмету данного исследования, колеблется от 15 в начале XIX в. до 27 к 1917 г. – именно такой рост числа обителей (почти вдвое) произошёл за рассматриваемый период. Сами показатели этого роста уже свидетельствуют о том, с каким исторически интереснейшим этапом приходится иметь дело в исследовании, а одна из задач – как раз вскрыть причины этого роста.

При этом применение сравнительного анализа раздвигает рамки работы – и в качестве предмета для сравнения постоянно затрагиваются монастыри России, находящиеся за указанными пределами одной епархии: в основном, наиболее известные и более или менее хорошо изученные православные обители страны.

Теоретические и методические принципы исследования. Анализ хозяйственной деятельности монастырей епархии проводится на трёх уровнях.

Первый уровень анализа – рассмотрение каждого отдельного монастыря. Естественно, внимание уделяется в соответствии с их размерами и "экономическим весом", а наиболее подробно анализируются самые крупные и хозяйственно развитые. Бедные монастыри из провинциальных уездов Казанской губернии – "из глубинки" – хотя и являются предметом изучения, всё же рассматриваются в более общих чертах, поскольку эти черты у них довольно сходны.

Второй уровень – обобщение материала в масштабах всей епархии, выведение тенденций из закономерностей, характерных для нашего региона в целом. Выведение особенностей и традиций того явления, которое в монографиях прошлого века называют, обобщенно, "казанскими монастырями" – имея в виду, конечно, монастыри не одной Казани, а большой епархии, включающей в себя значительную часть Среднего Поволжья.

Наконец, третий, самый высокий уровень – сравнительный в масштабах России: то есть сравнение наших местных монастырей (в общем и по отдельности) с общероссийскими примерами и, условно говоря, монастырскими "стандартами", если правильно так выражаться.

Только при таком многоуровневом подходе, на мой взгляд, и возможен действительно глубокий анализ проблемы, ибо в церковно-монастырской системе всё так или иначе взаимосвязано (впрочем, как и в любой отлаженной, сложившейся веками системе).

Принцип единства в целостной монастырской системе расходов и доходов, как двух сторон одной медали, является важным методическим принципом работы.

Цель и задачи работы. Цель исследования – раскрыть монастырско-экономическую систему на примере хозяйства монастырей Казанской епархии. Для достижения её необходимо решить следующие важные задачи:

- Рассмотреть степень изученности темы предшественниками, а также выяснить степень полноты исторических источников по ней.
- Выявить доходную базу развития монастырских хозяйств в XIX – начале XX в., оценить на этой основе причины и особенности экономического роста.
- Исследовать структуру монастырских расходов – оценить на этой основе характер монастырской экономики изучаемого периода.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первая глава диссертации посвящена характеристике источников и обзору литературы по теме исследования. Комплексное исследование проблемы хозяйственной деятельности монастырей Казанской епархии в XIX в. базируется на широком круге источников: архивных документов, опубликованных воспоминаний современников о посещении монастырей, материалов церковной и светской статистики, карт, фотоматериалов и рисунков.

Широкий круг письменных источников документального характера (специфика работы определяет подбор источников главным образом документального и статистического, а не повествовательного характера, хотя последние, имеющиеся в очень незначительном количестве, также привлечены) позволяет для удобства исследователя делить их на ранее опубликованные и неопубликованные. Последние – самая многочисленная группа, составившая основу моей работы.

Из неопубликованных источников в работе использовано 60 единиц отчётов, клировых ведомостей, приходно-расходных книг, описей имущества и т.п. (очень близкий характер этих документов, лишь условно различающихся по названиям, позволяет объединить их в 1 группу) – находящихся на хранении в Национальном архиве РТ. Ценность этих источников для темы огромна – они составляют львиную долю информационной базы работы, давая подробнейшие сведения и о капиталах, и о земных владениях, и о братии монастырей, и о времени и стоимости крупных строительных работ на территории обителей. Они находятся в фонде Казанской духовной консистории (Ф. 4), а также фондах Казанского Богородицкого (Ф. 484), Свяжского Успенского (Ф. 237), Свяжского Иоанна-Предтеченского (Ф. 310), Зилантова (Ф. 86), Кизического (Ф. 141) и других монастырей.

Дела Мироносицкого Царевококшайского монастыря составили одноимённый фонд в архиве Республики Марий-Эл (ЦГА РМЭ Ф88). Этот фонд также просмотрен мной на стадии подготовки данной диссертации.

Разумеется, вышеупомянутое обилие дел, хранящихся во всех этих фондах, вместе взятых, не позволяет исследовать каждый документ досконально, а требует своей индивидуальной методики работы с ними. Мною был применён метод выборки – по годам, по которым интересующая статистика, выраженная в числе и объёме документов, оказалась наиболее полна. При этом соблюдался, сочетаясь с этим первым, также методический принцип соблюдения примерно равных временных промежутков, необходимых для выявления тенденций – в нашем случае, это примерно 10 лет.

Как уже указывалось выше, и во всех “монастырских”, и в “консistorском” фонде основная масса дел хранится – за II половину XIX – начало

XX в. То есть как таковая "статистика" начинается лишь с пореформенного времени истории России – примерно с 60-х годов XIX в. Мною замечена, к сожалению, бессистемность и фрагментарность всех документальных сведений до этого периода (что, отчасти, само по себе уже является одним из показателей состояния монастырей в предшествующий период). Также выявлено и отсутствие единого чёткого стандарта составления ведомостей и отчётов. Например, в одном и том же деле, по одним обителям указаны – и численность, и состав братии, и размеры недвижимых имуществ, и движимых капиталов, по другим же – лишь численность братии (причём, порой даже без сведений о послушниках) без указания прихода-расхода средств. Этот фактор серьёзно затрудняет работу исследователя. И всё же даже обрывочные и неполные сведения до середины XIX в. ценны для исследования.

Гораздо более полны и системны сведения для конца XIX – начала XX в. – правда, и тут встречаются иногда "белые пятна" по отдельным обителям, особенно молодым, недавно возникшим.

Важный источниковедческий вопрос о достоверности сведений, содержащихся в этих документах, решён в работе положительно. Данным отчётам и ведомостям можно доверять почти полностью. Учёт поступающих в монашество и в послушники вёлся строго, и если кто-то содержался "сверх штата" (а такое было данный период практически в каждой обители), то это обязательно так и указывалось в соответствующем отчёте или ведомости. Прилагаемые краткие анкетные биографии монашествующих, а иногда и послушников и послушниц, ещё раз доказывают строгость учёта. Что же касается наиболее важного для нашей темы вопроса прихода-расхода средств, то эти сведения в документах также строго достоверны. Естественно, тут возможны и даже нужны чисто гипотетические скидки на, может быть, присутствовавшие скрытые финансовые злоупотребления. Однако, судя по всему, монастырей это касалось в значительно меньшей степени.

Выводы о достоверности в равной мере относятся и ко всем схожим по характеру документам по теме – только уже не архивным, а опубликованным. Это те же самые описи имущества и монастырские ведомости (правда, в основном от более раннего периода монастырской истории, лучше изучавшегося).

Из опубликованных документальных источников в работе использованы:

Опись Свияжского Успенского монастыря (хотя данные её относятся к XVII в., их всё же можно приложить к теме, так как для полноты изучения всегда важна предыстория – доекатерининский период, заложивший основы процветания монастыря и во многом определивший причисление к штату);

"Справочная книга Казанской епархии" за 1909 год, которую можно смело отнести скорее к источникам, чем к справочной литературе, так

как данные её абсолютно современны выходу книги в свет – и сама она по сути является абсолютно такими же клировыми ведомостями как те, что хранятся в архивных фондах, только опубликованными.

Не менее полные сведения, но по середине XVIII в. (предыстория темы) почерпнуты из описей и ведомостей, опубликованных И.М. Покровским – в виде приложений к его работам.

Из источников недокументального характера (также опубликованных) использован ряд описаний современниками своих поездок в монастыри, например:

“Плаванье к Зилантову монастырю и Казанскому памятнику” Николая Баженова (1846 г.); описание П.М. Дульским своей поездки в Раифский монастырь (1910 г.).

Из работ же общероссийского плана использованы такие, например, как: “Путешествие по святым местам русским” известнейшего в XIX в. православного писателя и публициста А.Н. Муравьева; “Около церковных стен” знаменитого в начале XX в. В.В. Розанова.

Хотя обе последние книги и не несут непосредственно материалы о Казанской епархии, однако они могут быть использованы “для заметки” как взгляд представителей светской элиты на православные монастыри своего времени.

Вообще же все эти названные источники описательного характера (написанные с точки зрения паломников) играют в работе лишь вспомогательную роль – как источники сугубо дополнительные.

Наконец, важным видом вещественных источников по теме автору послужили сами монастырские храмы и жилые здания: как сохранившиеся (подробно осмотренные лично), так и несохранившиеся, но известные по фотографиям и описаниям. Из последнего стоит отметить издания “Казань на старинных открытках” и “Виды Казани” по литографиям художника Турнерелли, бывшего в Казани в 1830-х годах. Эти и другие фотографии и литографии дают бесценный наглядный материал по состоянию казанских монастырей в изучаемый период. В приложениях к диссертации также имеются иллюстрации – ксерокопии некоторых из этих видов.

Благодаря всей этой группе вещественных источников сделан ряд выводов, важных для темы, составлены приблизительные планы ряд обителей. Это является, по моему убеждению, достаточно важной методологической особенностью данной работы именно по хозяйству монастырей, так как его изучение немыслимо без детального изучения внешнего облика обителей, их благосостояния и процесса строительства, и такой подход имеет новаторское значение в изучении темы.

В целом необходимо отметить, что комплекс источников даёт достаточно полную, объёмную и достоверную информацию по теме. Из-за их огромного количества и массового характера процесс их изучения далеко не завершён ни всеми предшественниками, ни данной работой.

И всё же довольно большие наработки предшественников-исследователей по данной теме, с использованием многих из этих источников, заставляют обратиться далее к рассмотрению собственно историографии вопроса.

В литературе данная тема лишь частично, фрагментарно освещена – в основном в трудах, опубликованных в XIX – начале XX в., составивших самую большую из условно выделенных мной групп работ.

Едва ли не единственная попытка оценить тенденции развития местных монастырей в целом была предпринята в фундаментальных трудах И.М. Покровского: "К истории Казанских монастырей до 1764 г.", "Из истории Казанских монастырей"; отчасти проблема затрагивается и в "Русских епархиях XVI – XIX вв.". Мою работу хронологически можно в значительной степени считать продолжением исследований Покровского: он подробно рассматривал процессы реформы 1764 г. включительно, в данной же работе изучается пореформенный период.

Ряд работ посвящён истории отдельных обителей: протоирей А. Зеленецкий – о Казанском Богородицком монастыре (1910), архиепископ Никанор (Каменский) – блестящее исследование о Кизическом (1907), известнейший церковный краевед Е.А. Малов – о Раифской и Макарьевской пустынях, новокрещенской конторе при Свяжском Успенском монастыре (труды – конца XIX в.), протоирей А. Яблоков – также о Свяжском Успенском монастыре и в целом о свяжских обителях (1907).

Естественно, здесь названы наиболее полные и знаменитые труды по проблемам отдельных монастырей. Блок этой литературы достаточно велик.

Другие работы этого периода, привлечённые мной, можно условно объединить в разряд путеводителей в целом по Казани и другим городам епархии с характеристикой находившихся в них монастырей. Наиболее известные: М. Рыбушкина (1848–49), П. Заринского (1877), М. Пинегина (1890), Н. Загоскина (1895), П. Дульского (1914), Н. Агафонова (1906–07). Также – более широкие: "Иллюстрированный спутник по Волге" С. Монастырского (1884), "Казань – Нижний Новгород – Кострома" Е. Белова (1913). Все они содержат отрывочные и не очень систематические сведения о монастырской истории, с преобладанием искусствоведческого и краеведческого материала.

Наиболее широкий охват темы – на общероссийском уровне, – труды в целом по истории церкви Е.В. Голубинского, П.В. Знаменского, Е. Поселянина (Е.Н. Погожева), А.В. Карташова; раздел о церковной истории в "Очерках по истории русской культуры" П.Н. Милюкова. Особо выделяется труд непосредственно по земледелию и хозяйству церкви (в основном – монастырей): "О недвижимых имуществах духовенства в России" В.П. Милютина (1862), фактически предвосхитивший позднейшие исследования А.И. Комиссаренко.

В советское время специально история монастырей почти не исследовалась по идеологическим причинам – в этой области образовался серьёзный пробел. Правда, исключение составляет крупный труд А.И. Комиссаренко "Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.". Но и он (как и работы, например, И.М. Покровского) берёт в хронологические рамки изучения дореформенный (до 1764 г.) период монастырской жизни и саму реформу, а не XIX в. Имеются и "провинциальные" исследования по теме: например, работы самарского историка Э.Л. Дубмана, основанные на местном самарском материале, или диссертация В.Б. Смирновой о Саровском монастыре. Но Казанскую епархию эти работы, естественно, не затрагивают или затрагивают косвенно.

Возрождение интереса к теме и появление немалого количества работ, косвенно затрагивающих её, – приходится на последние несколько лет. Но и здесь преобладают популяризаторские работы: А. Журавский, Гурий (Малёшин), Никандр (Анпилогов) – представители тех церковных кругов, которые для практических нужд занимаются изучением монастырской и не только монастырской истории. Их работы об отдельных церковных деятелях, Раифском и Семиозёрском монастырях носят фрагментарный характер. В целом же большой монографии, специально по истории монастырей Казанской епархии, написанной в советское время, мной не обнаружено – что даёт право самостоятельности в проведении анализа и формулировании выводов.

Наконец, использована в работе и группа справочников и энциклопедий. Здесь можно выделить энциклопедии: Большую Советскую, "Христианство. Энциклопедический словарь" (1994–95) и "Города России" (1994). Более значительный объём сведений почерпнут из дореволюционных справочников – специально по монастырям: В.В. Зверинского, Л.И. Денисова, П.П. Сойкина – отражающих данные соответственно на 1890-е, 1908 и 1910 гг.

Таким образом, завершая характеристику литературы, нужно отметить:

1. В литературе достаточно хорошо изучен на общероссийском материале период до секуляризации 1764 г. и сама реформа – положение монастырей России до неё и первые годы после реформы.

2. Фрагментарно, по отдельности изучены (в основном с краеведческой точки зрения) самые известные монастыри Казанской епархии: в самой Казани, Свияжске, а также Раифский и Семиозёрский. Но отсутствуют обобщающие работы по их истории и особенно экономическому развитию в XIX – начале XX в. Почти совсем не изучены мелкие монастыри отдалённых уездов Казанской губернии, особенно те, которые были основаны во II половине XIX – начале XX в.

3. Практически неизвестными остаются экономические процессы монастырской жизни XIX – начала XX в. – в том числе сам такой феномен

как монастырское "возрождение" данного периода, особенно применительно к интересующей нас Казанской епархии.

Во второй главе исследуются доходы монастырей Казанской епархии в рассматриваемый период. Доходы выражались как в наличных ценных бумагах, так и в банковских вкладах. Последние значительно – в десятки раз – преобладали над наличными, что сближало хозяйства монастырей с предпринимательскими хозяйствами всей капиталистической эпохи. Были и не денежные доходы – выраженные в продукции землепользования.

Возрождение землевладения монастырей, наравне с процессом роста их финансовых доходов, является интереснейшим феноменом всей монастырской (и вообще церковной) истории XIX – начала XX в. Это один из важнейших предметов исследования в данной работе и данной главе. Это основная суть самого данного периода в жизни обитателей.

Другой важнейший феномен, исследованный в данной главе – это рост доли доходов, не связанных с землёй: монастырские хозяйства становятся даже в большей степени "производственно-торговыми" (разумеется, очень условно выражаясь), чем аграрными.

Третий феномен, вытекающий из двух первых – достижение по сути экономической самостоятельности монастырей от государства (что невозможно было даже и представить в XVIII в.). И как следствие – возникновение, по частной инициативе, новых монастырей в новых экономических условиях, в основном со II половины XIX в.

Исходя из логики рассмотрения этих процессов – всестороннего их изучения, начиная с предыстории, – автор работы выделяет в главе 4 тематических параграфа.

Первый параграф посвящён предыстории рассматриваемого периода – II пол. XVIII в., когда произошли важнейшие изменения в жизни монастырей России, собственно и открывшие этот новый период. Секуляризация 1764 г., как в зеркале, отразилась на примере Казанской епархии – одной из 26 в России. В ней находилось 45 монастырей (из почти 1000 российских). После реформы осталось 18. Факторы упразднения одних монастырей (почти 2/3 прежнего состава), причисления к штату других, оставления за штатом третьих – хорошо прослеживаются на основе обитателей этой епархии. Её можно назвать статистически показательной в масштабах России. Эти же факторы продолжали сказываться и треть века спустя – уже в XIX в. Без их рассмотрения изучение темы было бы неполным.

Основной вывод по итогам параграфа – реформа 1764 г. упразднила (в частности, на примере Казанской епархии) наиболее экономически слабые или же малопочитаемые в народе монастыри. Это все без исключения безземельные, большинство малоземельных и малоодоходных монастырских хозяйств, а также те обитатели, где, несмотря на наличие не-

скольких сот десятин земли, не было самого главного – значительных, почитаемых в народе священных реликвий. Словно следуя принципу естественного отбора, реформа дала возможность по-прежнему развиваться всем другим – относительно более перспективным. Упразднение же прежнего землевладения с его крепостнической основой было актом, скорее, полезным и прогрессивным, даже для самих монастырей – так как в XIX в. это землевладение возрождается уже на новой, по сути капиталистической основе. В какой-то степени, можно даже сказать, что в этом смысле монастырская реформа 1764 г. опередила на век Великую реформу 1861 г.: в одной узкой сфере она упразднила крепостничество на столетие раньше, чем в целом по стране.

Во втором параграфе рассматриваются процессы, связанные с землевладением и доходами тех 15 монастырей, которые остались по реформе на территории новых (сложившихся к 1832 г.) границ Казанской епархии – совпавшей с границами Казанской губернии.

Из 18 уцелевших после 1764 г. монастыря 3 оказались позже на территории новой Симбирской епархии и в предмет изучения не входят.

Из этих 15 монастырей 9 оказались штатными (т.е. получали частичное содержание от государства) и 6 заштатными – "на своём содержании". Соотношение между теми и другими – примерно такое же, как и в целом по России, что ещё раз подчёркивает статистическую показательность изучаемой Казанской епархии.

Штатные монастыри: Свяжский Успенский и Казанский Богородицкий (первоклассные – с 1764 и с 1809 гг. соответственно), Спасо-Преображенский и Зилантов Казанские, а также Иоанно-Предтеченский Свяжский (второклассные – с 1764, с 1836 и с 1865 гг. соответственно), Раифский, Седмиозёрный, Кизический и Троицкий Чебоксарский (третьеклассные).

Заштатные: Иоанно-Предтеченский и Фёдоровский Казанские, Свяжский Макарьевский, Тихвинский Цивильский, Мироносицкий Царевококшайский, а также Владимирская Чебоксарская Спасо-Перонтиева пустынь – но последняя упразднена в 1838 г.

Но, как показывается в работе, деление на штатные и заштатные монастыри, весьма актуальное для XVIII в., в XIX в. становится уже в значительной мере формальным, почти условным. "Штат" гарантировал лишь жалование от государства в 600–2000 руб. в год, что для XIX в. составляет лишь 5–10%, а у некоторых монастырей и до 2% от всех годовых доходов. Структура доходов в связи с новой экономической конъюнктурой серьёзно меняется – доходы, получаемые от частных жертвователей, а также от всё расширяющейся монастырской торговли выходят на первый план. Это один из основных феноменов изучаемого периода.

Так же за счёт главным образом частных пожертвований возрождается и землевладение всех обителей. Процесс этот начался ещё с рубежа XVIII–XIX вв. – после первых десятилетий, прошедших с 1764 г., – про-

должался весь XIX в., и к началу XX в. ситуация в этой области обстояла по епархии следующим образом.

Штатные монастыри:

Архиерейский дом (Новоиерусалимский монастырь) – более 462 дес.

Свияжский Успенский I кл. – ок. 338 дес. (в т.ч. 136 дес. – лес)

Казанский Богородицкий I кл. – ок. 400 дес.

Спасо-Преображенский II кл. – ок. 280 дес. (в т.ч. 103 дес. – лес)

Зилантов II кл. – ок. 260 дес. (в т.ч. 117 дес. – лес)

Иоанно-Предтеченский Свияжский II кл. – ок. 370 дес. (в т.ч. 95 дес. – лес)

Кизический III кл. – ок. 295 дес. (в т.ч. 147 дес. – лес)

Седмиозёрный III кл. – ок. 282 дес. (в т.ч. 216 дес. – лес)

Раифский III кл. – 1041 дес. (лес с сенокосными полянами)

Троицкий Чебоксарский III кл. – ок. 300 дес.

Заштатные монастыри

Ивановский Казанский – бол. 176 дес.

Фёдоровский Казанский – 116 дес. (в т.ч. 80 дес. – лес)

Махарьевский Свияжский – ок. 300 дес. (в т.ч. 150 дес. – лес)

Мироносицкий Царевококшайский – ок. 249 дес. (в т.ч. 102 дес. – лес)

Тихвинский Цивильский – ок. 300 дес. (в т.ч. 149 дес. – лес).

Таким образом, средний уровень земельных владений реально уже примерно в 2 раза выше гарантированного государством минимума (150 десятин по указу Николая I 1835 г.); у некоторых монастырей (Казанский Богородицкий, Иоанно-Предтеченский Свияжский) – почти в 3 раза выше. А у Раифского, за счёт огромных лесных угодий – почти в 10 раз. Это и требовалось доказать: пожертвованные или проданные монастырям участки со стороны дворян, купцов, богатых мещан разных уездов в сумме превосходили всё то, что могло дать обителям государство. По сравнению с дореформенным (до 1764 г.) положением землевладение некоторых монастырей даже выросло: например, Мироносицкого монастыря (до реформы – 174 дес.) – в 1,5 раза, Кизического (до реформы – 134,2 дес.) – в 2 раза, Казанского Богородицкого (до реформы – 15 дес.) – в 27 раз!

Но как уже отмечалось выше, главные доходы монастырей XIX в. уже не связаны с землёй.

Завершая II параграф следует, пожалуй, сравнить финансовые монастырские показатели в целом по России: за первые пореформенные годы конца XVIII в. с показателем на начало XX в. Путь, "пройденный" капиталом монастырей в своём развитии, поистине колоссален – и Казанская епархия, конечно, не уникальна: процессы в ней совпадали с общероссийскими.

Итак – косвенное сравнение. От конфискации имуществ всех монастырей – почти всей недвижимой собственности их хозяйств, – государство в 1764 г. получило 613 тыс. руб. В начале XX в. всего капитал (прав-

да уже, наоборот – движимый) монастырей России составлял гигантскую сумму – 65 млн. 555503 руб. Сумма, большая в 100 с лишним раз! Конечно, при сравнении надо учитывать и степень инфляции за более чем вековой период. Основные цены, по справочникам, за почти полтора века выросли по разным продуктам в среднем лишь в 5–10 раз.

То есть, даже с учётом инфляции, монастыри России накопили за преформенный период капитал, примерно в 20 раз больший, чем всё, что было конфисковано у них государством в 1764 году! Такие подсчёты прежде, насколько мне известно, не проводились – и на этот красноречивый показатель в работах по секуляризации 1764 г. и всей последующей церковной экономике внимания не обращалось. В этом свете, тезисы церковных авторов типа Е. Поселянина о "невыполнимом" характере екатерининской секуляризации и о будто бы упадке монастырей в XIX в. звучат явно неубедительно. Вряд ли прав и Н.М. Никольский, также рассуждающий об упадке монастырей во II половине XIX – начале XX в.

Основные выводы по второму параграфу:

– Землевладение начинает возрождаться на основе частных пожертвований и торговых операций (в гораздо меньшей степени – за счёт государства) уже в начале XIX в., а к рубежу XIX–XX вв. у некоторых обителей достигает уровня до секуляризации 1764 г. и даже выше. Производительность труда при этом выросла.

– Резко выросла и доля не связанных с землёй монастырских доходов: от пожертвований до продажи свеч, икон, утвари, от банковских процентов и т.п. Монастыри уже практически не зависят от штатного содержания от государства: штатный оклад составляет 1–2–5% всех доходов и становится суммой, чисто символической в общей доле.

– Подобный рост доходов и достижение по сути экономической самостоятельности от государства позволяют содержать достаточно больше братии, уже по сути не ограниченные штатными рамками. Рост братий (вместе с послушниками) – это также один из важных показателей экономического роста и возрождения монастырей.

В третьем параграфе рассматриваются отдельно особенности развития в новых условиях каждого из тех монастырей, процессы в которых рассмотрены в предыдущем параграфе в совокупности, в целом. Именно такой комплексный подход – к целому и к частностям, – позволяет рассмотреть все стороны процесса: и общие черты для всех монастырей, и строго индивидуальные особенности; и объективные закономерности, проявлявшиеся у всех, и субъективные факторы, учёт которых, на мой взгляд, обязателен. Судьбы старых (основанных до XVIII в.) обителей в новых условиях были очень многообразны – несмотря на всю их схожесть. Специфика отдельных обителей накладывала порой сильный отпечаток на развитие их хозяйства. И рассмотрение этих интереснейших индивидуальных особенностей – важная задача историка.

Индивидуальные особенности очень важны для понимания процесса. При их изучении видно, например, что такие прославленные былые "гиганты" как Свияжский Успенский (более 7 тыс. крестьянских душ и 8 тыс. десятин земли до 1764 г.) и Спасо-Преображенский монастыри (1600 душ и более 6 тыс. десятин) в отличие от большинства других обителей, даже переживают в XIX в. некоторый упадок и застой, хотя к началу XX в. он преодолевается (но это всё равно намного позже, чем у соседских монастырей). Потери их от секуляризации 1764 г. были особенно велики по сравнению с другими, но когда анализируешь процесс глубже, понимаешь, что даже не это главная причина такой их судьбы. Древним монастырям – традиционным уже в течение веков духовным центрам, – сложнее приспособиться к новым экономическим условиям, чем более молодым-или даже не молодым, но не имевшим до XVIII в. таких хозяйственных традиций. Например, Казанский Богородицкий монастырь, тоже основанный в XVI в. как и два вышеупомянутых, будучи женским – т.е. не таким привилегированным, не был так богат до XVIII в., как мужские (15 дес., как уже указывалось в предыдущем параграфе, и около 100 крестьянских душ – на 1742 г.). Но в XIX в. он-то, напротив, пережил бурный экономический взлёт. Во-первых, хозяйство его создавалось практически заново на совершенно новой основе, а не несло на себе тормозящий груз прежних традиций; во-вторых, он был женский, а с постепенным отмиранием искусственных "штатных" ограничений именно женщин, особенно девиц, стало намного больше поступать в монашество, чем мужчин; в-третьих (и это, пожалуй, главное), новый поток частных пожертвований в новых экономических условиях – а именно они ведь, как отмечалось, выдвинулись на первый план, – хлынул в ту обитель, где находилась самая почитаемая всеми слоями населения Казанская икона Божьей Матери. "Выиграли" от притока именно частных, а не государственных пожертвований обладатели и других самых почитаемых местных святынь: Раифский и Седмиозёрный монастыри с одноимёнными чудотворными иконами Божьей Матери. Опять переплетение субъективных факторов и объективных.

И таких важных примеров в работе приведено ещё немало. Без "частного" нет и общего, и этот принцип конкретно реализуется непосредственно в данном параграфе. Основной вывод по нему: субъективные факторы играли очень большую роль в общем процессе "возрождения" старых монастырей епархии в описанный период. В целом более древние и "традиционные" по укладу (XVI в.) монастыри обычно развивались более медленно, чем более молодые (XVII – нач. XVIII вв.) – хотя, кроме возраста, очень сильные коррективы в этот процесс вносили и такие факторы, как наличие священных реликвий в том или ином монастыре или даже личный вклад тех подвижников, которые ещё при жизни воспринимались как святые – например, Гавриил Седмиозёрный (1844 – 1915) в Седмио-

зёрной пустыни. Главное – не игнорировать ни один из этих факторов и ни одну доступную для изучения индивидуальную особенность каждой обители.

В четвертом параграфе рассматривается возникновение новых монастырей в экономических условиях. Новые экономические условия привели к качественному росту самого числа монастырей – в Казанской епархии начало этого процесса в 1861 г. хронологически совпало с Великой реформой Александра II по освобождению крестьян (открывшей новый, по сути буржуазный, период), что очень символично. Число монастырей к началу XX в. в епархии почти удвоилось: в основном по частным инициативам и на частные пожертвования, прибавилось 13 новых, “заштатных”, к 15 старым.

Инициативу их основания именно “снизу” подчёркивает сама история их возникновения: как правило, сначала люди, добываясь разрешения, сами объединяются в общину и обычно лишь несколько лет спустя община официально регистрируется, а ещё позже, как бы пост-фактум, ей присваивается статус монастыря. Именно так образовались практически все из списка новых монастырей епархии (1860-х – 1910-х гг.) – в скобках даны годы регистрации. Мужские монастыри: 1) Михаило-Архангельский “черемисский” (1868 г.); 2) Александро-Невский “чуваший” (1902 г.); 3) Аштавай-Нырская “черемисская” община (1907 г.); 4) Трёхсвятительский крещенотатарский скит (1903 г. – зарегистрирован и приписан к Спасо-Преображенскому Казанскому, с 1911 г. – самостоятельный). Женские монастыри: 1) Успенский Чистопольский (1864 г.); 2) Троицкий Козьмодемьянский “черемисский” (1877 г.); 3) Богородице-Сергиевский Царевококшайский “черемисский” (1886 г.); 4) Троицкий Лаишевский (1888 г.); 5) Введенский Вершино-Сумский “черемисский” (1894 г.); 6) Александринский Ядринский “чуваший” (1898 г.); 7) Котлоушский чувашский (1901 г.); 8) Николаевская Тетюшская община (1903 г.); 9) Покровская Мамадышская община (1911 г.).

Экономически (да и по численности братий) все эти монастыри оказались наиболее **быстрорастущими** по сравнению со старыми, что объяснялось свежим импульсом в развитии, эффектом “быстрого старта”. Например, Михаило-Архангельский монастырь, братия которого изначально “по штату” должна была насчитывать 14 человек, в 1892 г. насчитывала уже 33 чел., а за 25 лет к моменту революции выросла до 101 (огромный и даже уникальный показатель для мужского монастыря). Запасы его капиталов в 1892 г. – почти 63 тыс. руб., – более чем в 3 раза превосходили показатель Свяжского Успенского первоклассного монастыря, в 2 раза – Кизического, в 1,5 раза – прославленного Седмиозёрного монастыря. Всё это было накоплено, как значится в ведомости 1892 г., “на средства разных благотворителей”.

Соседний и основанный лишь несколько лет спустя Троицкий Козьмодемьянский женский (также “черемисский”), хотя и уступал в конце XIX в.

по запасу капиталов (ок. 22 тыс. руб. в 1892 г.), но имел большое количество монахинь с послушницами – всего 214 человек (в том же 1892 г.) – что уступало во всей епархии одному лишь Казанскому Богородицкому первоклассному монастырю.

К 1917 г. 139 монахинь и послушниц было в Вершино-Сумском "черемисском" монастыре (несмотря на его бедность. – запасы капитала менее чем в 6 тыс. руб. к тому времени), 55 – в Котлоушском Чувашском (также не очень богатом: чуть более 14 тыс. в 1917 г.), 48 – в Покровской общине; 7 монахов, а с послушниками – 57 насчитывалось в малоизвестном Трехсвятительском крещенотатарском скиту, основанным лишь в 1903 г. (довольно крупный показатель численности для мужского монастыря). Хозяйство всех этих обителей только ещё "вставало на ноги", но едва начавшийся взлёт был прерван октябрьской революцией 1917 г. и последовавшими трагическими событиями.

Завершая краткую характеристику молодых монастырей, можно сказать, что они буквально преобразили всю церковно-монастырскую систему Казанской епархии (разумеется, это характерно и в целом для России), переводя медленно шедший и прежде процесс "монастырского возрождения" XIX в. на новый качественный уровень. Теперь это была уже в полном смысле новая хозяйственная – и не только хозяйственная, – система. Окончательное стирание по сути всякой разницы между "штатными" и "заштатными" монастырями – т.е. упразднение государственного бюрократизма, навязанного в XVIII в., и достижение по сути свободы как в ведении хозяйства, так и в принятии новых членов братии – вот один из основных итогов всего "монастырского возрождения" Нового времени, завершённого и логически доведённого до конца именно этим "всплеском" возникновения новых, быстроразвивающихся обителей.

Именно этот эволюционный по характеру (но почти "революционный" по своей сути для системы) процесс и завершает тему, избранную предметом исследования для II главы – тему "монастырского возрождения", выразившегося в росте числа братии и доходов. Красноречивые количественные и качественные показатели сами наводят на основной вывод, что возрождение это несомненно было, имело значительные масштабы и соответственно – огромное историческое значение для всей церковной истории России. Остаётся лишь рассмотреть в следующей главе, на что же эти быстрорастущие доходы тратились, чтобы лучше и качественней представить себе всю хозяйственную монастырскую систему изучаемого периода.

Третья глава диссертации посвящена изучению основных статей расходов монастырей Казанской епархии в рассматриваемое время. Н.М.Никольский упорно доказывал тезис о "паразитизме" церковной вообще и особенно монастырской экономики – и тезис этот, упав на благодатную почву, к сожалению, стал общим местом множества работ. Целая

глава его крупнейшей монографии так и называется "О паразитизме церковной экономики" – и речь в ней идёт именно о XIX – начале XX вв. тезис, по большому счёту, сводится к тому, чтобы была простая аккумуляция средств при якобы отсутствии производительного труда и социальной пользы для общества, т.е. вливание средств есть, а отдачи нет.

Ещё более грубо подобные выводы формулировались обычно в публицистических и "научно-публицистических" работах всего советского периода. Стереотип же в общественном мнении, пожалуй, сохранился и после окончания этого периода. Изначальная же причина – тенденциозный и односторонний способ изучения только доходов – при игнорировании изучения расходной структуры (или же – показ в виде иллюстрации лишь тех отдельных статей расходов, которые внешне как бы вписываются в данный тезис). Способ этот, изначально заданный идеологически, а теперь сохраняющийся как бы в силу инерции, стал уже как бы чем-то, само собой разумеющимся и самодостаточным для исследования.

А действительно – на что мог тратиться доход? Этому далеко не риторическому, а одному из основных для нашей темы вопросу можно и нужно посвятить целую главу. Вопрос – и хозяйственный, и исторический, и культурный, и даже, в какой-то степени, нравственный.

Изучение широкого круга источников позволяет указать на особую роль строительной деятельности как главной статьи расходов монастырей. Остальные статьи (на продовольствие, на содержание архимандритов, на содержание малочисленных монастырских школ и т.п.), выражаясь языком статистики, пренебрежимо малы – в пределах ок. 5, реже больше, процентов. Монастырская экономика данного периода ориентировалась не на простое воспроизводство продукции, жизненно необходимой для существования братии (как это, действительно, было в некоторых обителях сразу после секуляризации 1764 г.) – а на "благоукрашение" обителей. Приходно-расходные книги за самые разные годы XIX – начало XX в. показывают, что 90–95% расходов и более (проценты выведены автором работы из абсолютных цифр в этих книгах) шло на строительство монастырских ансамблей или ремонт обветшавших храмов. Поскольку почти все ансамбли, как доказывается дальше, имели большую историко-архитектурную ценность (и это характерно не только для Казанской епархии), то вряд ли эту строительную деятельность можно назвать примером "паразитизма".

С другой стороны (и это не менее значимо), архитектура монастырей становится одним из важнейших показателей для современного исследователя их экономического состояния в тот или иной период. Периоды расцветов всегда знаменовались периодами наиболее бурного строительства, а этапы упадка – промежутками застоя в строительстве. Таким образом, изучение этапов монастырского строительства по сути равносильно изучению хозяйственного состояния обителей, изучению темпов расхо-

дов – в любые интересующие нас годы. Эту достаточно новаторскую методику исследования автор применяет в данной работе – и реализует конкретно в данной главе.

Рассмотрим этот процесс на примере сначала древних (до XVIII в.) монастырей епархии. Их ансамбли уже сформировались в предшествующие века, но в результате экономического возрождения и – как следствие, – расцвета строительства в XIX в., эти ансамбли, естественно, претерпевали изменения. По масштабам этих изменений и можно безошибочно судить о темпах и тенденциях роста того или иного монастыря как хозяйственного субъекта, т.е. – о масштабах самого роста – о масштабах расходов, которые в разные годы мог позволить себе тот или иной монастырь. Попутно, в тех случаях, где это необходимо, приходится оговаривать вопрос архитектурной ценности построенных сооружений – как вопрос профессионализма нанятых архитекторов, строителей, художников или реставраторов. В противном случае, действительно может сложиться поверхностный взгляд о "паразитизме церковной экономики", не создавшей будто бы ничего ценного и выходящего за рамки практических нужд самой братии.

По моему мнению, правомерно выделить условно 2 группы монастырских ансамблей епархии: сформировавшиеся в основе своей до XVIII в. включительно (отдельные постройки XIX – начала XX вв. лишь вписывались в сложившийся ансамбль) и, наоборот, сложившиеся в XIX – начале XX вв. (все сохранившиеся более ранние постройки как бы "растворились" и стали малозаметны среди новых). Это деление позволяет чётче проследить тенденцию развития монастырей в данный период. В работе выявлена закономерность: те монастыри, которые выше назывались, как пережившие основной расцвет до секуляризации 1764 г. (те же прежние "гиганты": Свяжский Успенский, Спасо-Преображенский Казанский и чуть более мелкие – Зилантов, Кизический), и ансамбли сохранили главным образом от того времени. Самые же яркие примеры расцвета доходов именно в XIX в. (Казанский Богородицкий, Раифский, Седмиозёрный, Иоанно-Предтеченский Свяжский) и в плане строительных расходов "отличились" тоже в XIX – начале XX в. Яркий показатель единства доходов и расходов, хозяйственного положения и темпов строительства!

При этом, поскольку доходы в XIX – начале XX в. росли у всех практически без исключения местных обитателей, то и про ансамбли I группы нельзя сказать, что расходы на их поддержание в XIX в. были малы: просто большая часть, как показывают архивные документы, уходила обычно на ремонт обветшавшего, на "латание дыр", но также и на строительство новых келий и хозяйственных построек (храмы в этих монастырях сохранялись прежние, но с большими изменениями и надстройками).

Расходы же на строительство даже отдельных сооружений (особенно у обитателей II группы) были огромны. Например, главный собор Казанско-

го Богородицкого монастыря стоил более 57 тыс. руб., а на его Никольский собор тогда же было выделено ещё 50 тыс.; почти столько же, правда, уже в ценах середины XIX в., стоила постройка Скорбященского собора Иоанно-Предтеченского монастыря – самого крупного храма в Свияжске и окрестностях. И это лишь немногие из примеров грандиозного монастырского строительства в изучаемую эпоху.

Что же касается архитектурно-художественной ценности сооружений, то у многих обителей она просто несомненна и признана даже советскими искусствоведами. Это, в первую очередь, оба Свияжских монастыря, Иоанно-Предтеченский монастырь Казани, Мироносицкий монастырь под Царёвококшайском (Йошкар-Ола), храм которого с колокольной пользуется особым интересом краеведов как "самая древняя церковь на территории Республики Марий-Эл" (XVII в.). Позже, ближе к нашему времени, была признана и уникальная ценность таких относительно более "молодых" ансамблей как Раифский, Седмиозёрный, а самое главное – хуже всего сохранившегося, утерянного, но некогда совершенно бесценного Казанского Богородицкого монастыря, представлявшего в прежнем виде уникальнейший по единству ансамбль классицизма начала XIX в., крупнейший в Поволжье.

Основные выводы параграфа:

– большая часть ансамблей вышеуказанных старых обителей сильно (более чем на половину состава) изменилась в XIX – начале XX в. – что ещё раз подтверждает, в соответствии с авторской методикой, факт их хозяйственного расцвета в этот период;

– изучая строительную деятельность, неправомерно говорить, что период до секуляризации XVIII в. был, якобы, более благополучным для монастырей, чем период XIX в.: в этот последний было построено не меньше храмов и жилых келейных корпусов, чем за все предыдущие века с основания Казанской епархии: XVI–XVIII вв.;

– архитектурная ценность ансамблей – их добротность и соответствие лучшим традициям своего времени, – не позволяет говорить о "паразитическом" характере их строительства, так как их значение не ограничивалось только культовым, а приобретало культурно-исторический характер.

Важно дать в третьем параграфе характеристику 13 новых монастырей Казанской епархии. Естественно, как и у старых монастырей, их облик полностью зависел от финансового благосостояния – от масштабов расходов, какие можно было себе позволить. Только здесь эта зависимость – ещё более прямая и непреложная: ведь если у древних монастырей издавна имелись старые ансамбли, которые можно было и просто постепенно "латать", то здесь обители возникали и строились за кратчайший промежуток времени практически на пустом месте. Строительство их шло более бурно, более высокими темпами – и хотя всё сооружённое не представляло такой архитектурно-исторической ценности, зато оно

является для исследователя более непосредственным (в чистом виде) показателем финансового состояния – через расходы.

Правда, всё-таки не все новые обители возникали совсем "на пустом месте" – многие образовались на основе существовавших ранее приходских церквей или богаделен. Это очень интересная тенденция конца XIX – начала XX в. – совершенно противоположная тому, что было век назад: тогда, наоборот, на месте упразднённых в 1764 г. монастырей образовывались приходские церкви.

Всё же, естественно, большая часть новых монастырей построена после их возникновения – чаще по прошествии нескольких лет. Самые крупные комплексы (по 2–3 храма и по несколько больших корпусов) сформировались, конечно, в самых богатых из новых монастырей: Михаило-Архангельском Козьмодемьянском (который, будучи таким молодым и "заштатным", превзошёл по запасам капитала в 2–3 раза даже некоторые штатные), Успенском Чистопольском, Троицком Лаишевском и других. Наиболее интересен в архитектурно-художественном плане, пожалуй, последний, построенный на компактной площади (1 дес. 1002 кв. сажени) практически по единому замыслу зодчего Малиновского всего за несколько лет.

В целом можно отметить, что архитектура "молодых" монастырей, конечно, менее интересна: более эклектична (в духе рубежа веков) и неоригинальна. Но сам факт такого бурного строительства в 1860-х – 1900-х гг. ещё раз свидетельствует о громадном монастырском "возрождении", а также об экономическом расцвете нашего края в капиталистический период (после реформ 1860–70-х гг.), так как практически всё это строительство проходило на деньги купцов, мещан и разбогатевших крестьян и было бы невозможно в таких масштабах в предшествующие десятилетия.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы.

Выводы диссертации опровергают распространённый тезис о всеобщем упадке монастырей и монашества в XIX в. Наоборот, на примере статистически показательной Казанской епархии видно, что возрождение XIX – начала XX в. экономически поднимает обители на уровень, во многом более высокий, чем до реформы Екатерины II.

Проведённое на данном, местном, материале при постоянном сравнительном анализе с общероссийскими тенденциями, исследование ценно тем, что позволяет частично экстраполировать его выводы на общероссийский уровень. Таким образом, ответив на ряд актуальных вопросов местной истории нашего края, оно отчасти заполняет определённый пробел и в российской историографии – по общей большой теме церковной истории Нового времени и хозяйственных процессов в церковной системе. В этом состоит и определённая новизна работы, и, хочется верить – её значение. Например, показана и обоснована периодизация монастырской истории

изучаемой эпохи. Указанные 2 этапа: 1800-е – 1850-е и 1860-е – 1910-е гг. (см. выводы по гл. II) – выведены не столько на основе внешнего признака, т.е. Великих реформ Александра II, сколько на основе всей совокупности изучения внутренних процессов: темпов и качества хозяйственного роста, роста чёрного духовенства, роста числа самих монастырей и т.д.

Разумеется, остаётся ещё широкий простор для новых исследований по такой малоизученной теме отечественной истории, как история монастырская.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры отечественной истории до XX в. Казанского государственного университета и рекомендована к защите. Основные положения исследования нашли отражение в выступлениях автора на различных научных конференциях в 1997–2000 гг.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Роцектаев А.В. Монастыри Казанской епархии после учреждения штатов (1764–1917) // Всероссийские Платоновские чтения. – Самара, 1998.

2. Роцектаев А.В. Монастыри Казанской епархии после учреждения штатов (1764–1917) // Материалы Казанской историко-богословской конференции “Современный мир и богословские науки” 17(30) – 18 (31) марта 1998 г. – Казань, 1999. – С. 113–118.

3. Роцектаев А.В. Свяжский Успенский монастырь в XVI – нач. XX в. // Материалы Казанской историко-богословской конференции “Современный мир и богословские науки” 2–3 октября 1999 г. (в печати).

подписано в печать 17.05.2001-10-24

Формат 60 x 84 1/16

Гарнитура Arial Сут, 10, Печ. л. 1,5

Заказ 10/024. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «ДИАЛОГ-КОМПЬЮТЕРС».

Лицензия серия ПД №7-0157 А001045 от 21.05.2001 г.

420503, г. Казань, ул. Университетская, 17

2^g-